

Глава 5. Компенсация

Шэн Цань, похоже, вовсе не заметил странной тишины, повисшей за столом. Отчитавшись о случившемся, он принялся жадно есть виноград и между делом обратился к сидевшему рядом Сяо Чэньюю:

— Старший брат, я тебя раньше не видел!

Сяо Чэньюй коротко хмыкнул, не ответив. За него ответил Ван Чи:

— Он у нас в гостях, поживёт тут некоторое время. Можете звать его братом Чэньюем.

Шэн Цань кивнул, разглядывая нового «брата» — белокожего, аккуратного, явно не привыкшего к тяжёлой работе парня. Он вытянул свою загорелую, запачканную ладонь, но тут же смущённо её отдернул.

Краем глаза он заметил что-то чёрное, выглядывающее из-под рукава Сяо Чэньюя, и любопытно спросил:

— Эй, а это что? Татуировка?

Стоило упомянуть про татуировку, как Сяо Чэньюй оживился. Неприятный эпизод с «дикими кабанами» он мигом забыл, поэтому азартно закатал рукав и с гордостью продемонстрировал:

— Да! Это тигр. Круто, правда?

Он уже ждал, что мальчишка, как и раньше, воскликнет «вау!», глядя на его «свирепого тигра» и осыплет восторгами. Но в глазах Шэн Цаня появилась только растерянность.

Сяо Чэньюй опустил взгляд и обомлел. Тигр был как живой... только вот обе его глаза куда-то исчезли.

Что за...?

Кто-то их содрал? Или он сам случайно смыл во время душа?

Он уставился на глупо ослепшего тигра, приклеенного на руку, и не знал, смеяться ему или плакать. Сначала стало ужасно стыдно, а потом — почему-то зло.

С шумом отодвинув стул, он вскочил и, кипя раздражением, побежал вверх, оставив за собой троих растерянных людей.

— А почему он вдруг убежал? — недоумённо спросил Шэн Цань.

Ван Чи с трудом сдержал улыбку:

— Срочно в туалет захотел.

— А... — Шэн Цань послушно кивнул. — А ты чего смеёшься, брат Ван?

— Да так, ничего, — Ван Чи потрепал мальчишку по голове.

Тут вдруг подал голос молчаливый Лян Юэ:

— Брат, ты что, поранился?

Сяо Чэньюй, уже добежавший до второго этажа, невольно замер.

— Нет, — спокойно ответил Ван Чи.

— Но у тебя локоть сбит. Это веткой поцарапал?

— А, может быть. Не заметил даже. Не болит, — отмахнулся Ван Чи и протянул детям виноград, надеясь отвлечь.

Но Лян Юэ не уловил намёка и, как ни в чём не бывало, продолжил:

— Брат, а тот дикий кабан вернётся? Дедушка говорит, кабанов можно дорого продать.

— Кабаны — это дикие животные, — строго сказал Ван Чи. — Их нельзя ловить и уж тем более продавать. То, что сделал твой дед, неправильно. И такие ловушки вообще нельзя ставить.

Он усмехнулся и добавил:

— Ну что, я, по-твоему, похож на дикого кабана?

— А? Конечно, нет, — недоумённо ответил Шэн Цань.

— А брат Чэньюй, он, по-твоему, похож на дикого кабана? — продолжил Ван Чи.

— Тоже нет, — честно сказал Шэн Цань.

Пока Шэн Цань послушно отвечал на вопросы, сообразительный Лян Юэ уже всё понял.

Никаких кабанов не было. В яму угодили живые люди.

И царапина на локте Ван Чи — самое очевидное тому доказательство.

Лян Юэ вскочил, заметно растерявшись, и потянул друга за руку.

— Эй, ты чего? Я виноград не доел! — возмутился Шэн Цань.

— Уже поздно, пора домой ужинать, — сухо сказал Лян Юэ, выхватил у него гроздь и положил обратно на стол. — Пошли.

На пороге он обернулся, нервно бросив:

— Прости, брат Ван.

Не хотел называть тебя кабаном.

Ван Чи рассмеялся:

— Всё в порядке.

Когда мальчишки скрылись за калиткой, он всё ещё слышал, как Шэн Цань допытывается:

— Лян Юэ, ты чего вдруг извинялся? Ну скажи же!

А тот отвечал раздражённо:

— Чего шумишь, быстрее иди!

Ван Чи собрал со стола кожуру от винограда, потом отправился на кухню готовить ужин.

Когда еда была готова, с верхнего этажа так и не послышалось ни звука.

Он решил подняться и посмотреть, что там.

Сяо Чэньюй лежал на кровати, уткнувшись лицом в подушку, сверху накрыв голову другой. Из-под одеяла виднелась только шея — тонкая, чуть покрасневшая.

Похоже, он до сих пор не мог пережить тот позор.

Ван Чи не удержался от улыбки, подошёл и пнул его по ноге:

— Спишь?

Тишина.

— Эй, дикий кабан, вставай ужинать, — сказал он, сам не выдержав и засмеявшись.

В следующую секунду в него полетел подушка.

Он едва успел увернуться.

Сяо Чэньюй, конечно, не спал. Он резко вскочил, ловко обхватил Ван Чи сзади, прижавшись рукой к шее, и возмущённо выкрикнул:

— Не смей меня так называть!

Ван Чи не ожидал нападения, его дыхание перехватило.

— А чего же ты молчал? — прохрипел он. — Не я ведь назвал тебя кабаном.

— А почему ты меня защищать не стал? — возразил Сяо Чэньюй, не ослабляя хватки. — Тебя самого кабаном обозвали — и ты даже не возразил!

Он сжал руку сильнее и, сверля взглядом сказал:

— Глаза у моего тигра... это ты стёр, да? Вчера они были на месте! Значит, ты специально ночью, пока я спал, их соскоблил!

— Как они вообще могли стереться? — пробормотал Ван Чи, отступая на пару шагов от кровати, собираясь стряхнуть его с себя.

Но Сяо Чэньюй, словно и не думал сдаваться, прямо с места запрыгнул ему на спину, коленями обхватил за талию — точь-в-точь как в ту дождливую ночь, когда Ван Чи нёс его на руках.

Пока Сяо Чэньюй лежал в кровати, он всё обдумал. Вероятность, что именно Ван Чи стёр тигру глаза, была чертовски высокой. Доказательств юноша не имел, да и то, что "татуировка" была всего лишь наклейкой, выглядело не в его пользу. Ему было неловко, обидно, а потому он лишь сильнее сжал руки на его шее, пытаясь хоть так вернуть себе преимущество.

— Ты специально выцарапал моему тигру глаза! Хотел надо мной посмеяться! Издеваешься, да?!

Разница в силе между ними была слишком велика — Ван Чи чуть напрягся, и Сяо Чэньюй уже полетел обратно на кровать, распластавшись, как выброшенный котёнок.

Он, запыхавшись, попытался подняться, но Ван Чи прижал его коленом к животу.

— Хватит дурить, — спокойно сказал он, — я вовсе не смеялся над тобой. Пошли ужинать. Мама скоро вернётся.

— Не пойду! — упрямо бросил Сяо Чэньюй, толкнув его рукой и пытаясь отбиться ногами. — Сам иди ешь!

В следующую секунду они оба замерли.

Сяо Чэньюй сразу понял, куда именно он попал ногой. А ладонь его, к тому же, остановилась на груди Ван Чи — будто он снова его... трогает.

— Ты... — выдавил сквозь стиснутые зубы Ван Чи.

Сяо Чэньюй, будто нарочно, провёл ладонью по его груди ещё пару раз, потом убрал руку, вспоминая ощущение под ногой и спросил:

— Больно?

— Хочешь, я тебе тоже пну — узнаешь, каково это? — хрипло сказал Ван Чи. — И вообще, чего ты опять меня лапаешь?

Он понимал, что удар вышел случайным, и злиться по-настоящему не собирался. Поэтому решил перевести разговор на «прикосновения» — хотел снова увидеть, как тот заливается краской и мямлит от стыда.

Но в этот раз Сяо Чэньюй только слегка покраснел, потом, с самым наглым видом, отрезал:

— А? Разве я тебя трогал? Я же не извращенец, не стал бы.

И, помолчав секунду, добавил, почти виновато:

— Прости, я не специально пнул тебя туда... Я... компенсирую это.

Ван Чи, сидя на краю кровати, переводил дыхание, а затем усмехнулся:

— И чем же ты компенсируешь?

Сяо Чэньюй с детства сопровождал отца на приёмах, видел десятки бизнесменов и чиновников, и читать по лицам научился безошибочно.

Ван Чи позволил ему остаться на ночь, не выгнал, даже после того, как тот его щупал; когда его обвинили в грубости — сразу смягчился; теперь ещё и после удара не сердится.

Значит, Ван Чи слишком терпелив с ним.

А если так...

Сяо Чэньюй вспомнил, какое ощущение было, когда его нога угодила в цель. Юноша опустил взгляд, на секунду задумался и, подняв глаза, уже с лукавым блеском произнёс:

— А хочешь... я компенсирую тебе этим — посплю с тобой?

Ван Чи медленно повернулся, холодно и отчётливо переспросил:

— Что ты сказал?

Сяо Чэньюй улыбнулся почти невинно:

— Я сказал, я с тобой пересплю.

И, будто мимоходом, добавил:

— Можно даже не один раз.

Ван Чи резко вскочил, лицо его потемнело:

— Не шути так больше.

Неужели он... и правда натурал? — растерянно подумал Сяо Чэньюй. Реакция совсем не та, на которую я рассчитывал.

Он вгляделся в лицо Ван Чи, пытаясь уловить хоть какую-то тень эмоции, но ничего подозрительного не заметил. Почувствовал лёгкое разочарование, он тихо пробормотал:

— Ладно уж, не буду больше шутить.

Ван Чи дёрнул пояс брюк, достал из шкафа полотенце и чистую одежду, а затем направился в ванную.

Сяо Чэньюй крикнул ему вслед:

— Эй, а ты же звал меня вниз ужинать, зачем теперь мыться пошёл?

— Я целый день в поле работал, — не оборачиваясь, ответил тот. — Весь вспотел. Разве не нормально, что я хочу сначала помыться?

Вроде логично, — подумал Сяо Чэньюй, кивнув себе под нос:

— А, ну да...

Его живот негромко заурчал. Он перевернулся с кровати, лениво потянулся и, повинувшись запаху еды, спустился вниз.

Когда юноша шёл по лестнице, его не покидало ощущение, что в поведении Ван Чи есть что-то странное.

Что же именно? — пытался он вспомнить.

Но стоило увидеть парующие блюда на столе, как все мысли мгновенно вылетели из головы.